

до меня вереть до этой...

Василий тридцать
шкомъ.

Василий въ бобровой
шубѣ, отвѣчалъ

низко подпоясан-
дубку краснымъ ку-

на крыльцѣ постоя-
снѣвъ шапку, вертѣлъ

ступая съ ноги на по-
большимъ животомъ,

просить его проѣзжий.
очищая отъ сосулѣкъ

убранныхъ инеемъ
свѣтъ, ослѣпительно

и задумчиво шурялъ
ушами гала.

что значитъ?—спросилъ

Въ горницу по-
дѣлаете прогу-

изъ двухъ десятковъ
фонъ его кое-

трубы печей, вы-
крышъ и стѣнъ,

кривыхъ оконъ, а
битое стекло, заткнутое

было похоже на громад-
Бугры снѣга непо-

волнами лежали, и на ули-
солнца усыпали ихъ мил-

искръ. Проню-
гасиль ихъ сіяніе,

лапки,—но потухшіе на зем-
въ воздухъ и съ шоро-

то. Было очень холод-
дыханіе вырыва-

пара прямо на лысину
нѣтъ мужа.

Въ горницу... А долго ждать?

въ полчаса время

Радостно взвизгнувъ

красное лицо мужа оза-
улыбкой, когда онъ, рас-

снѣни, съ тревогой и на-

прикажете? Яички, мо-

ка пшеничная?

ожалуйста, братъ, не долго

перомъ...—И онъ скрылся

совершенно непостижимой

Проѣзжий сбросилъ съ

снялъ мѣховое пальто,

истомъ сбросилъ костюмъ и

колѣно, теплыхъ сапогахъ.

ало полное, сытое, разру-

прядь длинныхъ волосъ

любъ въ тонкихъ морщи-

шіе и умные смотрѣли за-

зѣвая, сѣлъ за столъ и

енькая, оклеенная газетной

бумагой и листами какого-то журнала съ картинками, комната представляла собой пра- вильный четырехугольный ящикъ. Давно немытый потолокъ былъ черенъ отъ ко- поти, а стѣны комнаты желты отъ бумаги, выцвѣтшей и засиженной мухами. У стѣны стоялъ большой столъ, выдвигавшійся до половины комнаты, по бокамъ его—лавки... Два окна освѣщали все это. Пахло чѣмъ- то сложнымъ и тяжелымъ. Было тихо и убійственно скучно.

Проѣзжий закурилъ папиросу, всталъ со скамьи и началъ ходить по комнатѣ. Одно изъ темныхъ пятенъ на стѣнѣ привлекло его вниманіе своей странностью,—оно изо- бражало дѣвущку съ букетомъ цвѣтовъ въ рукахъ, помѣстившуюся на вершинѣ дерева одной съ ней величины. Онъ подошелъ по- ближе и увидалъ, что это склеены двѣ ра- зрванныя картинки—у дѣвущки не было по- ловины туловища и дерево было подклеено какъ-бы въ видѣ продолженія дѣвицы. Про- ѣзжий улыбнулся и сталъ разсматривать дру- гія картинки. Одна изображала снимокъ съ группы, Чичеровакіо съ сыномъ, разстрѣли- ваемый австрійцами, рядомъ съ ней помѣ- шалось „Стадо бизонъ въ пампасахъ“. Рядомъ съ бизонами портретъ Тьера, но у Тьера было оторвано лѣвое плечо и вѣ- сто него къ Тьеру подклеили „Берегъ рѣ- ки Миссисипи“. Было и еще много подоб- ныхъ картинокъ, перемѣшанныхъ съ газет- ными листами, и одинъ изъ нихъ крупнымъ заголовкомъ гласилъ „Х—ая Газета“ № 221-й 1867 года, августа 29-го дня...

Проѣзжий улыбнулся такъ, какъ улыба- ются при встрѣчѣ хорошаго стараго знако- маго—съ любопытствомъ, съ радостью и со смущеніемъ вызываемымъ смутнымъ чув- ствомъ какой-то неловкости.

Онъ смотрѣлъ, улыбаясь, на заголовокъ желтаго листа, будившаго въ немъ воспо- минанія о прошломъ, о днѣ, въ который онъ впервые пришелъ въ редакцію этой газеты съ первой своей рукописью, и о дру- гомъ днѣ, когда эта рукопись подъ заго- ловкомъ „За правду“ явилась въ фельето- нъ газеты. Почти тридцать лѣтъ прошло съ той поры... Давно уже не существуетъ эта газета и очень не долго она существо- вала. Около нея группировались все такія горячія головы и честныя сердца, ея ре- дакція всегда представляла собой что то вродѣ химической реторты, въ которой изъ разнообразныхъ явленій жизни вываривались статьи, полныя убѣдительныхъ выводовъ, въ то время убѣждавшихъ. Все, что твори- лось тамъ, творилось горячо; сколько искренности, сколько молодой энергіи ки- пѣло въ этихъ людяхъ...

Проѣзжий отошелъ отъ стѣны и снова сѣлъ за столъ, мягко улыбаясь своимъ воспоминаніямъ. Они будили въ немъ то-же очищающее душу чувство, какое будятъ воспоминанія дѣтства. Онъ думалъ о томъ, что все это было, да, и все это было хо- рошо и честно, но онъ не забывалъ и то- го, что все это теперь частью позабыто, частью осмѣяно и что самъ онъ далекъ отъ настроенія и идеи того времени, когда онъ

начиналъ жить. Онъ нынѣ—писатель для салонной публики, поставщикъ изящныхъ новеллъ, жрецъ искусства, а не поборникъ направленія.

Краснорскаго мужикъ внесъ большой ярко вычищенный самоваръ. Самоваръ былъ чѣмъ-то разгнѣванъ—онъ шипѣлъ, бурлилъ, со свистомъ выпускалъ изъ отверстія крышки струю пара и, казалось, готовъ былъ соскочить со стола и куда-то бѣжать. Вся комната наполнилась звуками протестующаго шопота и стекла въ окнахъ сразу запотѣли. Мужикъ вышелъ, потомъ внесъ дорожный поставецъ проѣзжаго, тарелку, на которой лежало съ десятокъ яицъ, горшокъ молока, хлѣбъ. Потомъ онъ сталъ у двери и, поправляя кушакъ, вопросительно уставился на барина, а тотъ, задумавшись, не выдалъ его. Мужикъ тяжело вздохнулъ и спросилъ:

— Итти мнѣ?

— Иди,—тихо сказалъ проѣзжій, не глядя на него.

Почему это въ молодости жизнь всегда кажется такой простой и ясной?—думалъ проѣзжій, поглядывая на стѣну. Самоваръ, какъ-бы недовольный тѣмъ, что на него не обращаютъ вниманія, все сильнѣе кипѣлъ и точно захлебывался отъ негодованія. Но человѣкъ, сидѣвшій противъ него, все болѣе погружался въ задумчивость. Вспоминалось много, и все это такъ славно трогало душу, овѣвая ее мягкимъ дыханіемъ ласки, явившейся изъ забытой дали. Тогда онъ жилъ въ такой же вотъ грязнячкѣ и маленькой клѣткѣ, какъ эта, а рядомъ съ нимъ жилъ одинъ товарищъ, человѣкъ стойкій до фанатизма и въ послѣдствіи дорого заплатившій за эту стойкость. Въ томъ-же домѣ жила и „она“... Теперь она его супруга и скоро истечетъ двадцать пять лѣтъ со времени свадьбы. Тогда она служила цензоромъ его сочиненій, источникомъ его вдохновеній, теперь... она его супруга, соединенная съ нимъ холодной привычкой другъ къ другу, образовавшейся за эти четверть вѣка. Четверть вѣка!..

Самоваръ положительно выходилъ изъ себя.

Теперь и тогда—какія эпохи! Одна—вся въ яркихъ огняхъ, полная энергіи, самозабвенія, донъ-кихотства, эпоха великихъ реформъ, великихъ надеждъ, великихъ ошибокъ: трагическое и смѣшное, бодрое и мечтательное—все пересушивалось въ ней и все было—крупно, по меньшей мѣрѣ. Теперь—туманно и сѣро, храмы пусты, боги забыты, души—нищи, иногда вспыхиваетъ кое-гдѣ свѣтъ, но это блуждающій огонь, и вся жизнь, по меньшей мѣрѣ—мелочна и бѣдна.

Проѣзжій всталъ и заложивъ руки за спину опять подошелъ къ стѣнѣ. Какъ попалъ сюда, въ глушь, этотъ старый газетный листъ? И проѣзжій сталъ читать его, улыбаясь ему. Самоваръ нѣсколько успокоился и началъ скептически посвистывать, гдѣ-то мычалъ теленокъ, и лаяла собака. Снѣгъ хрустѣлъ подъ окномъ.

Маленькія буквы, порывавшія замазанныя

грязью, засиженные мухами, съ большимъ трудомъ составлялись въ слова и фразы, но эти слова, эти фразы были хорошо знакомы проѣзжему, и въ отвѣтъ на нихъ въ его душѣ звучало что-то, давно-давно не ощущавшееся ей. Эта искренность и этотъ огонь, смѣлый огонь убѣжденія, которые вошли въ печать и кровь автора—гдѣ это они теперь? Только у стариковъ, бойцовъ за свободу.

Отведя глаза въ сторону, проѣзжій встрѣтился съ осколкомъ зеркала, прикрѣпленнымъ гвоздиками къ стѣнѣ, и зеркало показало ему, что усы у него—сѣдые и волосы на головѣ тоже сильно посребрены временемъ.

Ему стало неловко предъ самимъ собой, и онъ, потерявъ лобъ, вздохнулъ. Да, онъ измѣнилъ, онъ холоденъ и безстрастенъ къ тѣмъ идеямъ, которыя тогда были такъ близки ему и которыми теперь нѣтъ мѣста въ жизни...

Его-ли это вина? Жизнь всегда сильнѣе человека.

Сомнѣніе вѣчно враждуетъ съ вѣрой.

— Лошади-те готовы... коли что!—раздался голосъ мужика, заглянуваго въ дверь.

— Хорошо... я сейчасъ,—отозвался проѣзжій.—Я выпью стаканъ и поѣду...

— Да мнѣ какъ вамъ желательно,—возгласилъ мужикъ и скрылся.

Въ глаза проѣзжаго бросился уголь газетнаго листа. Онъ отклеился, свернулся въ трубочку и какъ-бы приглашалъ развернуть его. Проѣзжій такъ и сдѣлалъ. Потомъ онъ согнулся и быстро выпрямился съ красными отъ волненія лицомъ. На оборотѣ страницы газеты былъ напечатанъ его фельетонъ, его подпись стояла на уголкѣ. Ему сдѣлалось и жалко себя, и какъ-то радостно. Развѣ для того, волнуясь и горя, писалъ онъ, чтобы его трудомъ оклеивали стѣны постоянныхъ дворовъ? Плоды первыхъ, самыхъ свѣжихъ соковъ его мозга, плоды волненій лучшихъ дней его юности. И въ то-же время онъ чувствовалъ, что-то радостное, острое отъ этой встрѣчи съ самимъ собой, съ тѣмъ человѣкомъ, котораго онъ давно уже прожилъ, отъ котораго въ немъ, теперешнемъ, не осталось почти ничего.

Хотя-бы въ формѣ фельетона, написаннаго болѣе четверти столѣтія тому назадъ и оставшагося на грязномъ листѣ бумаги, замѣняющей обои на постояломъ дворѣ—все-таки пріятно удѣлѣтъ, остаться въ жизни—говорило ему тщеславіе профессионалиста. Но человѣкъ въ немъ былъ оскорбленъ. Онъ наморщилъ лобъ, грустно усмѣхнулся и, пойдя къ столу, сталъ заваривать чай.

Самоваръ меланхолично и тоскливо напѣвалъ о чемъ-то. Подъ окнами фыркали лошади. Маленькая фигурка, съ ногъ до головы окутанная въ рваныя овчины и тряпье, тяжело ввалилась въ дверь и пискливо произнесла:

— Скоро поѣдете, ай нѣту?

— Сейчасъ... а что?

— Ничего мо... домой-бы я сходилъ переобуться, ежели не скоро...

— Сходи... поскорѣ только, паренекъ... — добродушно попросилъ проѣзжіи.

— Ишь схожу... А я не паренекъ... мнѣ, чай, ужъ подѣ шестьдесятъ годовъ есть... А то еще и больше... — объяснила фигура и вышла прежде чѣмъ проѣзжіи успѣлъ что-нибудь сказать ей.

Что если этотъ листъ отклеить и взять съ собой? — подумалъ проѣзжіи, прихлебывая чай. Но это показалось ему смѣшнымъ и сантиментальнымъ... Зачѣмъ?... А сколько хорошаго связано съ этимъ фельетономъ, сколько мечтаній о борьбѣ и славѣ. Борьба была и ей завоевана извѣстность, материальное благосостояніе, солидное положеніе въ обществѣ — положеніе „нашего талантливаго беллетриста“. Не много... и не мало. Меньше того, о чѣмъ мечталось, больше того, чѣго достигли другіе. Но достигнуто-ли равновѣсіе души, сознаніе честно выполненнаго задачъ жизни, гордость собой?

Самоваръ то вздыхалъ, то посвистывалъ, и повизгивалъ — очевидно переживалъ что-то вродѣ агоніи.

— Оекла?! Гдѣ ты, чортъ, — раздался въ сѣняхъ грозный окрикъ. — Иди-ка погляди, что теленокъ-то наигралъ!

И влѣдъ за этимъ крикомъ, тишина вокругъ проѣзжаго стала какъ-то скучаѣе и тяжелѣй. Ему все думалось; медленно и неотвязно кружились въ его головѣ эти печальныя думы. Давно не испытывалъ онъ ничего подобаго, да и испытывалъ ли когда либо съ тѣхъ дней? Содержание ихъ все незамѣтно, капля по каплѣ, просочилось куда-то вонъ изъ души. Жилось покойно и довольство жизнью было. Онъ ѣдетъ къ старому другу, такому-же успокоившемуся человѣку, ѣдетъ къ нему отдохнуть отъ работы, поболтать о столичной жизни. У него было хорошее настроеніе до этого постоялаго двора, гдѣ, по вѣлѣнію судьбы, онъ встрѣтился съ самимъ собой, съ собой, въ видѣ юноши-мечтателя... Что собственно написано, что сказано имъ въ этомъ фельетонѣ?

Бросивъ пить чай, онъ отправился къ стѣнѣ и осторожно, съ озабоченнымъ лицомъ сталъ отдирать отъ стѣны уголокъ газеты. Бумага отстала немного и начала рваться. Проѣзжіи остановился, склонился къ желтому клочку... прочелъ его. Тамъ было строкъ сорокъ крайняго газетнаго столбца, да второго съ краю строкъ пятнадцать.

Рѣчь шла о какомъ-то Петрѣ, который сказалъ „ей“: „Прощай, наши дороги разны! Ты жертва твоей среды и воспитанія, тебѣ нѣтъ иной дороги въ жизни, кромѣ паркета!.. А я“... и гордо махнувъ рукой въ даль, онъ, этотъ Петръ, исчезъ.

Проѣзжіи задумался, потирая лобъ. Кто этотъ Петръ и кто она? Какъ они встрѣтились? Весь фельетонъ тутъ, въ одномъ номерѣ или нѣтъ? Наивный, дѣтски-прямой рассказъ, написанный во время вѣры въ возможность на землѣ всего хорошаго. Но... онъ позабылъ его содержаніе. Позабылъ!

Проѣзжіи конфузливо улыбнулся, подошелъ къ столу, однимъ глоткомъ выпилъ

чай и пошелъ къ двери. Но она сама отворилась на встрѣчу ему и пискливый голосъ произнесъ, исходя изъ кучи овчинъ...

— Переобулся... буде что, можно ѣхать... Лошадки те смерзли...

— Сейчасъ одѣнусь... пошли хозяина.

— А я тутъ... — Краснорожіи мужикъ весело улыбулся, за нимъ стояла баба въ сбитомъ на бокъ платкѣ и однимъ глазомъ смотрѣла изъ-за его плеча на проѣзжаго.

— Сколько тебѣ? — спросилъ проѣзжіи, на дѣвая пальто.

— А сколько пожалеете... вы не нѣшъ брать, мужикъ, и не обидѣте. Я по совѣсти съ господъ...

— Рубль будетъ?

— И рубль оудеть... — со вздохомъ сказалъ мужикъ. — Къ намъ господа совѣмъ даже не часто ѣздютъ... Отъ трахту мы очень въ сторонѣ. Господа для насъ — праздники... — Онъ говорилъ печально и съ явнымъ желаніемъ прибавки.

Но проѣзжіи, влѣзая въ подаваемую имъ шубу, не слушалъ его ноющей рѣчи и все поглядывалъ на стѣну, гдѣ отъ движенія воздуха колебался клочъ отодранной имъ газеты.

Онъ точно манилъ къ себѣ.

Вышли въ сѣни. Мужикъ и баба сопровождали проѣзжаго.

— Погодите... я ворочусь на минутку, — сказалъ онъ имъ и снова вошелъ въ комнату, прошелъ къ стѣнѣ и, оторвавъ клочъ газеты, смялъ его въ рукѣ.

— Ишь ты какой запасливый, — шепнулъ краснорожіи бабѣ, улыбаясь во весь ротъ. Проѣзжіи подмѣтилъ эту улыбку и нахмурился.

... Черезъ полчаса онъ былъ среди широкой снѣжной пустыни, розоватой, въ лучахъ заходящаго солнца. Заложеныя гуськомъ лошади бойко бѣжали по извилистой мягкой дорогѣ, маленькія санки подергивало и ямщикъ качался съ бока на бокъ, говоря скрипучимъ своимъ голосомъ:

— Паренькомъ-то я былъ лѣтъ тридцать время тому. Н-но-но! Прытка... А теперь-ча я гробовой житель... н-да. Кабы былъ хлѣбушка... лежалъ-бы я на печѣ... а вотъ вду... бѣдность потому... У-ты убогая скотина!

Проѣзжіи, стучаясь спиной о задокъ саней, старательно расправилъ клочъ газетной бумаги и еще разъ прочиталъ его. Поднимался вѣтеръ и съ сугробовъ срывались кисейныя ткани снѣга, летая въ воздухѣ. Бумага шелестѣла въ рукахъ проѣзжаго, смотрѣвшаго на нее съ печальной улыбкой. Тихо-тихо поскрипывалъ снѣгъ подѣ полозьями саней и шуршалъ о рогожный верхъ повозки.

Проѣзжіи медленно оторвалъ отъ клочка газеты маленькій кусочекъ и пустилъ его по вѣтру. Тотъ забился въ воздухѣ, какъ желтый мотылекъ и исчезъ. За нимъ полетѣлъ другой, третій... и послѣдній.